

ЯКОВ
МИРКИН

ПРАВИЛА
БЕССМЫСЛЕННОГО
ФИНАНСОВОГО
ПОВЕДЕНИЯ

Вредные
СОВЕТЫ
для семейного
бюджета

Обновленное издание бестселлера

Яков Моисеевич Миркин
Правила бессмысленного
финансового поведения
Серия «Экономические миры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40083805

Я. М. Миркин. Правила бессмысленного финансового поведения: АСТ;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-150595-0

Аннотация

Обращаться с финансами умно, красиво и элегантно – подлинное искусство, которому хотел бы научиться каждый. Между тем мир бизнеса настолько сложен и стремителен, что здесь не обойтись без советов настоящего профессионала. Знаменитый российский экономист Яков Миркин выбирает оригинальное решение: всем, кто желает научиться управлять своими финансами, он даёт вредные советы. Хотите узнать, как вести бизнес в России и полностью разориться? Учитесь на дурных примерах, знаменитых и показательных! Яков Миркин представляет 2-е, дополненное и переработанное издание своего бестселлера «Правила бессмысленного финансового поведения».

Издание 2-е, дополненное и переработанное.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие ко второму изданию	5
Книга. Зачем она написана?	7
Как ее читать?	10
Кодекс правил финансового идиота	12
Вся надежда на государство. Способ раздеться	22
Как избавить вас от имущества	22
Цена рывков и реформ	26
Правило отъема	28
Валюта – на выход! [1]	30
Вы зря зарыли клад. Он – не ваш	33
Кладоискатели	35
Любовь к денежным реформам	40
Секретная инструкция. Война с мельницами	43
Госдолг. Как не вернуть вам деньги	46
Как не дать вам построить дом	49
Реквизиция со вкусом. Зинаида Морозова	53
Наши вещи Щукина и Морозова	55
Как от вас избавиться. Коншины	57
Что ждешь от государства	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Яков Миркин

**Правила бессмысленного
финансового поведения**

© Миркин Я. М., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Предисловие ко второму изданию

«Правила бессмысленного финансового поведения» имели большой успех. Стали «Экономической книгой года – 2019». Ее читали семьями. Автор метался с радостной улыбкой из угла в угол. И каждое письмо, в котором было сказано: «Вы спасли мне деньги!», чистил щеточкой и складывал в сундук.

Но уже есть что добавить – всего за четыре года мы получили еще две девальвации рубля и два финансовых кризиса. И кучу потерь в семейных финансах.

Что я сделал для нового издания? Чуть-чуть подчистил лирику, добавил правил (мы все их любим), обновил числа, прибавил истории и новые рисунки, кое-что укоротил, чтобы было легче читать, и ответил на множество вопросов и пожеланий, возникших в эти четыре буйных года.

Впереди – фантастическое время, и нам понадобится масса искусства, чтобы удержать свои семьи на плаву. Очень надеюсь, что «Правила», эта книга, будут подспорьем для думающих семей, для тех, кто умеет управлять своей жизнью, а, значит, и семейным денежным состоянием. Пусть имущество вашей семьи будет большим, непотопляемым и дарит вам свободу – думать, действовать, жить.

А автор будет стремиться быть для вас всегда на связи в социальных сетях, стараясь ответить на каждый ваш вопрос,

на каждое письмо.

Книга. Зачем она написана?

Чтобы быть в помощь, быть под рукой, но не как назидание и не как инструкция по полетам.

Просто как точка отсчета для думающего, рационального человека, стремящегося быть независимым.

И состоятельным.

Автономным в деньгах, имуществе и, значит, в своей свободе быть, двигаться, решать, принимать риски, строить новое для своей семьи.

Это ни в коем случае не учебник и не скучное чтение.

Просто точка отсчета – как удержать семью на плаву, ко-

гда у нее отбирают ее деньги, ее активы.

Развивающиеся рынки, такие, как российский, всегда дра-
ма.

Она ставит в тупик всех тех, кто пытается быть рацио-
нальным.

Поэтому:

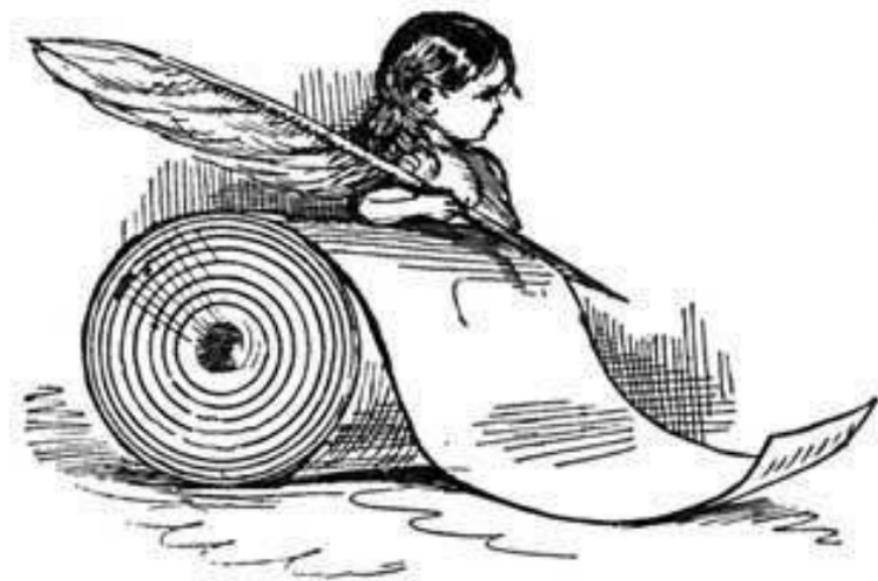
- 1) не дремать;
- 2) рассчитывать риски;
- 3) холодно, рационально видеть, как устроена большая конструкция, внутри которой мы живем, не обольщаться, не поддаваться тысячам идей, которые сваливают на нас, не быть распропагандированным;
- 4) пытаться играть на усиление – в любой позиции, в любом возрасте, на любой временной дистанции;
- 5) жить с резервами и не слишком высоким кредитным рычагом – постсоветские экономики и финансовые рынки настолько волатильны («колеблемы», по-русски говоря), что всегда готовы выбить семьи, которые приняли на себя слишком много обязательств;
- 6) знать, что всё впереди – самые высокие взлеты и самые глубокие падения, они обязательно будут на всем постсоветском пространстве – на горизонтах в 5, 10, 15, 20 лет;
- 7) считать, жить, получать удовольствие, планировать на длинную дорожку, а там уж боги сами решат – посмеяться над нашими лучшими намерениями или же протянуть руку (крыло, длань?) и помочь.

У российского мира – очень высокая сейсмика, особенно в том, что касается семейных денег, имущества. Хватательный рефлекс – умопомрачительный.

Это значит – всегда быть в пути. Никогда не подводить черту. Мы обязаны двигаться, чтобы удержать наши семьи на плаву.

Эта книга о том, как семье удержаться на плаву, прирастить доходы и имущество, когда она живет под Везувием и вокруг полно финансовых идиотов, которые ни о чем не думают.

Как ее читать?

Да как хотите. С любого места. На ней можно даже гадать. Это не учебник, с которым зеваешь. Книга – живое размышление вслух.

Но в ней есть своя логика.

1) Правила. Не только «нельзя», «нет» или «стой, стрелять буду!». Но еще и советы – как быть, что делать. Рациональное финансовое поведение.

2) Истории – иллюстрации к правилам. Все – реальные. Наши, новые и старые, за 200 лет российской жизни. Люди, в общем-то, мало меняются.

3) Историй много. Но есть правила без историй. Иначе пришлось бы сочинять толстенный том, его нельзя было бы удержать в руках.

Примите их, пожалуйста, на веру.

4) Книга сначала о том, что делать категорически нельзя. Затем – сладкая тема «наш карман и государство».

Потом – отношения с соседями. Почему российская история нам говорит, что деньгам должны быть тихими?

Наконец, на закуску – полкниги: много правил и историй о том, что нужно делать с имуществом семьи сейчас и в будущем.

Чтобы оно прирастало.

Как основа бытия семьи – дальше, больше, выше.

Кодекс правил финансового идиота

Каждое поколение россиян теряет свои активы, а новое начинает жизнь с нуля. Приблизительно один раз в 20–25 лет. Верно для XX века, а, может быть, и для нынешнего. Каждую семью за последние 25 лет грабили 3–4 раза (разные люди и в разных формах, не считая государства). Только 1–2 % активов российской семьи способны пережить 3–4 поколения.

По статистике в экономиках, подобных российской, кризисы происходят один-два раза в 10–15 лет. Считали на примере 150 кризисов.

Какой результат? Мы – временщики. В управлении нашими активами сильна генетическая память. Память о том, что любыми активами семья владеет временно. Для отъема всегда кто-то найдется.

Раз так, то каковы **правила бессмысленного финансового поведения?**

1) **Надеяться на государство, на свой кусок от него.** Считать, что государство – это прочная сухая почва. В финансовом отношении государство – это лед, подтаявший весной, вечно меняющий очертания и проваливающийся под шагами и полозьями тех, кто полагается на крепость этого ледяного пространства.

Государство часто отнимает, а не дает.

2) **Копить на старость.** Запасаться. Лет за двадцать до пенсии. Под процент. Или под будущие высокие дивиденды.

Пока дело до старости дойдет, инфляция, кризисы, закрытия банков, перетряхивания пенсионных схем, исчезновения инвестфондов, смерть страховых компаний, девальвации, дефолты – вся эта сутолока развивающегося рынка съест все сбережения и пустит по миру. Не запасешься. Просто деньги имеют свойство таять и исчезать. Никуда не денешься, имуществом придется управлять, засучив рукава.

Об этом в главе «Вся надежда на государство. Способ раздеться».

3) **Деньги должны быть громкими.** Роскошь нужно показать. А иначе зачем все это? В превосходстве – смысл.

Об этом в главе «Громкие деньги. Радость для соседей».

4) **Как-нибудь отдам.** Слишком высокий «финансовый рычаг», слишком быстрое расширение имущества и расходов за счет кредитов под высокий процент, при двузначной инфляции и неустойчивом курсе национальной валюты.

Главная ловушка – валютные обязательства. Курс рубля может держаться годами, но потом обязательно случится девальвация. 1998, 2008–2009, 2014, 2015, 2018, 2020, 2022 гг. – это годы разовых, крупных девальваций. Они усеяны обломками тех семей, которые брали на себя высокий «финансовый рычаг».

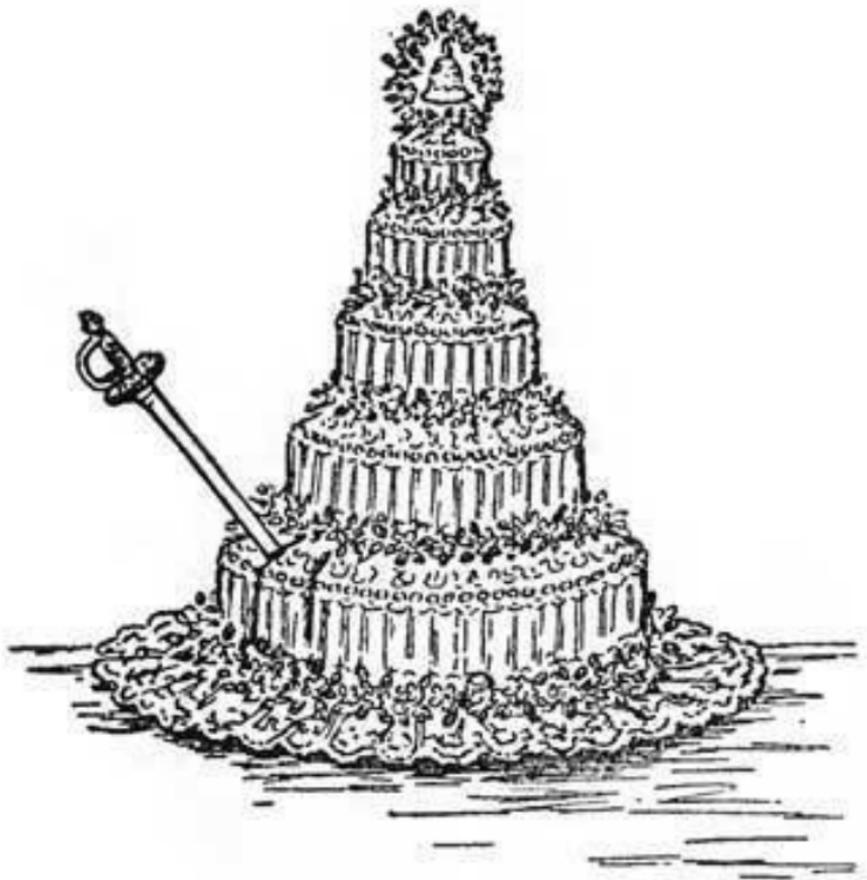
5) **Семейная финансовая пирамида.** Покрыть новыми долгами старые, не перекрывая их вложениями, приносящими доход. Потребление не по средствам.

6) **Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной.** Или доходностью.

Холодная оценка рисков. Не ищите сверхвысокой доходности. Часто это последний крик отчаяния перед банкротством. Или открытое мошенничество.

Сколько полегло знакомых, отвергавших разумные финансовые предложения, чтобы съесть то, от чего нужно было бежать сразу, не втягиваясь в обсуждения.

Об этом в главах «Финансовые риски семьи. Черные очи», «Как-нибудь отдам. Кредитный риск», «Как вас кинут» и «Убийственный процент».

7) Спекуляция, попытки заработать в высоких финансах (валютный рынок, деривативы, акции).

Эти рынки – чужие для мелкой розницы. Они живут по чужим правилам, неизвестным пешеходам. Их устанавливают крупнейшие финансовые институты. Валютные и сроч-

ные рынки глотают и выплевывают 99 % тех, кто на них приходит, играя по-мелкому. Вы берете деньги в долг, берете «финансовый рычаг», чтобы выигрыш был как можно выше. 1 к 100. 1 к 200. При первом колебании курсов – проигрыш. Первоначальный взнос «слизывается». Все равно проиграете. Против вас профи.

8) Приходить на рынок акций, когда рост уже исчерпан.

Толпы розничных инвесторов в ажиотаже бросаются на акции после того, как они долго, иногда годами, растут. И только почти у пика, когда вот-вот все рухнет, наконец массовый инвестор становится уверен, что рост цен акций будет всегда и он неисчерпаем, и бросается на рынок. Вот тут-то все и лопается. С начала 1990-х было неоднократно.

9) Пытаться в разгар кризиса спекулировать по-мелкому. Паниковать. Метаться, менять все время «стратегии». Покупать доллары, когда рубль на самом дне. Продавать доллары, когда рубль в самой силе. Делать все это на пиках или у дна, с огромными разницеми в курсах покупки и продажи. Потери, потери, потери.

Есть известный анекдот по поводу того, сколько раз нужно обменять сумму рублей на одну валюту, потом «назад», потом на другую валюту, потом еще в одну и так далее, чтобы начальная сумма перестала существовать. Поверьте, не

так уж много.

Эти постоянные рассказы банкиров в узком кругу, как при скачках курса рубля сначала очереди покупать валюту, потом очереди сдавать валюту, потом опять очереди покупать валюту и т. п. Все это – проигрыш.

Об этом в главе «Танго, рынок, ча-ча-ча».

10) Накупить кучу неликвида по дешевке и ждать, когда цены вырастут до небес. Набрать золота и брильянтов, как того, что всегда в цене. Держать жильё под Везувием как отличный, растущий в цене актив, который всегда легко продать. И сидеть, радостно считая, что впереди – золотом блистающий щит.

Об этом в главе «Большая ликвидация».

11) Быть открытым, распахнутым – двери настежь. Не думать, что деньги – это еще и документы, технологии, защита данных. Напрашиваться на то, чтобы у вас украли, сломали, увели, чтобы напали, вытащили или просто потеряли. Не резервироваться, не страховаться, не перестраховываться, не покрывать любые риски. Не документировать – да ладно, зачем это. Связываться с теми, кто всегда ошибается по жизни – просто так устроен, кто мало думает, кто работает больше как автомат. Или просто не надежен, не завершает дел, для кого вы и ваши интересы – где-то там, на периферии сознания.

Об этом в главе «Как изрезать деньги вдоль и поперек».

12) Считать, что есть только одно место во всей Вселенной, где может жить семья – там, где родился. Радостно терпеть все глупости, когда они творятся в верхах, в столицах. Терять – есть на то высшие обстоятельства, лишаться – так быть должно, беднеть – что делать, судьба страны, всё отдавать – так велено, иначе ослабеем, жертвовать – исконно так предназначено.

Об этом в главах «Вот вы и попались» и «Бегство имущества за границу».

13) Идеи, страсти, любовь, убеждения, этика и вера, все это – сущность бытия, имущество и деньги – при-

весок. Сначала – сущность, а потом – все остальное. Только потом, в строгой очередности. Я верю в то, во что я верю, и имущество семьи должно совершать свой оборот в строгом подчинении мне, мне, мне. Оно должно быть таким, каким оно мне нравится. Его движение вытекает из моих идей, страстей, веры и только из того, что я считаю истинным.

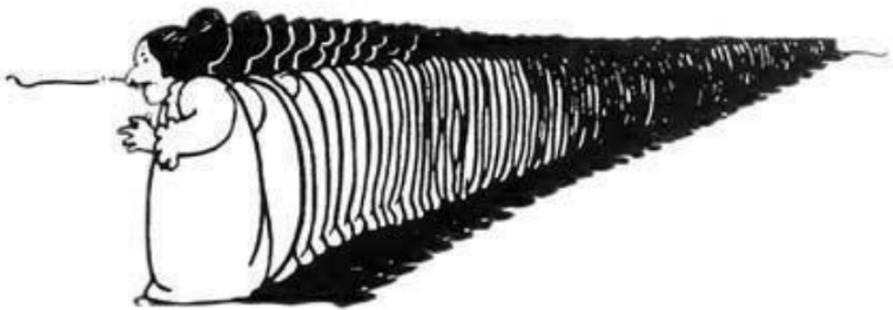
Об этом в главе «Под сенью мифов и страстей. Как надежно разорить семью».

Есть еще много правил, но начинать – хотя бы с этих.

**Вся надежда на государство.
Способ раздеться**

Как избавить вас от имущества

Вы – семья среднего класса в 1917 году. Ваш кусок земли конфискуется безвозмездно. Частная собственность на землю отменяется (Декрет Всероссийского съезда Советов от 26 октября (8 ноября) 1917 г.). Ваш дом в городе – его больше нет. Отменяется право собственности на земельные участки и строения в пределах городов (в рамках лимитов) (Декрет СНК от 23 ноября (6 декабря) 1917 г.).

Вскрывают ваши депозитные ячейки в банках и конфискуют все золото (монеты и слитки), которые там есть (Декрет ЦИК от 14 декабря 1917 г.). Если вы не явитесь сами с ключами, все, что внутри, подлежит конфискации.

Сделки с недвижимостью запрещаются. Ваша квартира, ваш кусок земли, ваша дача становятся непродажными, нулем (Декрет СНК от 14 декабря 1917 г.). Вы не можете продать деревенский дом (постановление Народного комиссариата юстиции от 6 сентября 1918 г.). Все платежи по ценным бумагам прекращаются. Сделки с ценными бумагами запре-

щаются. Все ваши сбережения в ценных бумагах становятся нулем (Декрет СНК от 4 января 1918 г.). Если вы писатель, ваши авторские права «переходят в собственность народа» (Декрет от 4 января 1918 г.). Любое произведение (научное, литературное, музыкальное, художественное) может быть признано достоянием государства (Декрет СНК от 26 ноября 1918 г.).

Аннулирование государственных облигаций, которыми вы владели (Декрет ВЦИК «Об аннулировании государственных займов» от 21 января (3 февраля) 1918 г.). Запрет денежных расчетов с границей (Постановление Народного комиссариата по финансовым делам от 14 сентября 1918 г.). Запрет на сделки с иностранной валютой внутри страны. В двухнедельный срок сдать всю валюту (Постановление Народного комиссариата по финансовым делам от 3 октября 1918 г.). Вам прекращают платить пенсии выше 300 руб. ежемесячно (декрет СНК от 11 декабря 1917 г.).

Был кусок леса в собственности? Больше его нет (Основной закон о социализации земли, 27 января (9 февраля) 1918 г.). У вас окончательно отобрали квартиру или дом в городе. Частная собственность на недвижимость в городах отменена (Декрет Президиума ВЦИК от 20 августа 1918 г.). Началось уплотнение.

Вашей доли в товариществе больше нет. Один за другим идут декреты о национализации предприятий, банков, страховых организаций и т. п. Издательств, аптек, нотных мага-

зинов. Частных коллекций (Щукин, Морозов и др.). «Конфисковать шахты, заводы, рудники, весь живой и мертвый инвентарь». Конфискации одного за другим. «За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду».

Вы никому ничего больше не сможете передать в наследство. Право наследования упраздняется (Декрет ЦИК от 27 апреля 1918 г.). Вы никому ничего не можете подарить на сумму свыше 10 тыс. руб. Право такого дарения отменяется (Декрет ВЦИК и СНК от 20 мая 1918 г.). Вам запрещается вывозить за границу «предметы искусства и старины» (Декрет СНК от 19 сентября 1918 г.). Вы не можете больше привозить из-за границы «предметы роскоши» (Постановление ВСНХ от 28 декабря 1917 г.).

Чтобы добить ваше имущество – единовременный чрезвычайный десятимиллиардный налог с имущих лиц (Декрет ВЦИК от 2 ноября 1918 г.). Москва – 2 млрд руб., Московская губерния – 1 млрд руб., Петроград – 1,5 млрд руб. Плюс права местных органов «устанавливать для лиц, принадлежащих к буржуазному классу, единовременные чрезвычайные революционные налоги». «Должны взиматься преимущественно наличными деньгами» (Декрет СНК от 31 октября 1918 г.).

Вашего имущества больше нет. Есть фотографии, серебряные ложки, иконы, письма и мешочек с кольцами и серьгами. И пара статуэток. Деньги в банках съела гиперинфляция.

Цена рывков и реформ

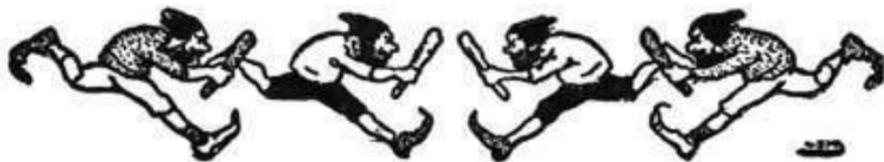
Начало XVIII века, реформы Петра I – всеобщее разорение и одновременно – то ли убыль населения, то ли уход его в тень, чтобы государство не видело – по крайней мере на 20 % (П. Н. Милюков, 1905). Октябрьская революция, 1917–1921 гг. – убыль населения на 8–10 % (Питирим Сорокин, 1923). Сталинская модернизация, 1930-е гг. – убыль населения на 4–5 % (А. Вишневский. Демография сталинской эпохи, 2003). Реформы 1990-х – убыль населения на 1,3 % в 1991–2000 гг. (прямая убыль, без учета нерожденных детей) (Росстат, МВФ).

Триста лет реформ в России, модернизационные рывки, множественные попытки догнать Запад, политические перевороты – все это всегда, за немногими исключениями, происходило в экстремальных формах, с высокой волатильностью, с точками выбора, в которых принималась не золотая середина, а способы достижения целей с наибольшими потерями.

А что впереди? Такая же сейсмика. Кризисы? Они обычны для таких развивающихся экономик, как Россия. Один-два раза в 10–15 лет – опять кризис. Само государство еще не устоялось. Оно существует с криками, вечными изменениями внутри, «непопулярными реформами». И каким оно будет через 10–15 лет – неизвестно. Переделы собственно-

сти, имущества. И значит, у каждой семьи стоит вопрос: как сохранить не только себя, но и свое имущество. И в самом деле, как?

Правило отъема

На свадьбу нам подарили тысячу рублей. Деньги были трудовые, всей жизни, но приданое быть должно, никуда не денешься, пусть даже в панельных объятиях Москвы. Деньги и – легчайшие подушки, посапывающие до сих пор. Деньги были не наши, как бы абстрактные, где-то там лежащие, но все-таки на черный день, который не придет никогда. Между тем, дни шли и шли, а рядом мирно спали другие деньги – у кого в пять, у кого в двадцать, а в знакомой семье – целых восемьдесят тысяч, что точно не меньше 25 млн рублей в любой день 2020-х. Как деньги всей жизни.

Ну и пришли. Деньги на тихую жизнь 60 плюс, деньги, как нечто степенное, основанное на постоянстве, то, что никуда не денется и его есть много – эти деньги испарились вмиг на переломе 90-х, оставив лишь злобу, компенсации и воспоминания о том, какие мы были идиоты. И долго потом мы вычисляли, и до сих пор это делаем, что стало бы и как бы

мы жили, если бы не строили, как идиоты, то, что построить нельзя, любя все общее и не любя себя.

Что ж, проехали. Да не совсем проехали, потому что пока государство – это отъем. Так было лет триста, и ему еще нужно сто раз доказать, что оно – источник, а не рука выводящая, чтобы мы в это поверили. И когда вы снова услышите «денежный навес», то бегите с деньгами немедленно, потому что этот навес – ваши деньги, и к нему обязательно прикрутят то, что благоназывается «денежная реформа» (их много было на Руси).

В самые горькие свои минуты государство любит взять. Делало это много раз. Для нас в эти времена важно сохраниться. Мы – дети тех, кто выжили в 1917-м, 1930-х, в 1940-х. А наши дети – тех, кто выжил в 90-х, когда было потеряно – ушли и не родились – несколько миллионов человек. Им нужно не только быть сохраненными, но еще и – впервые в собственном отечестве – умножиться в имуществе, в земле, в домах и, конечно, в доходах. Хорошо бы, как мечта, как страстное желание – впервые, надолго, навсегда, в будущем и в настоящем.

Валюта – на выход!¹

Вы можете свободно покупать и прятать – золото, серебро, камни и, самое главное, доллары. Все разрешено и приветствуется. Если, конечно, вы обретаетесь в 1922–1926 гг.

А с 1927 г. – ту-ту. За «укрывательство» серебряной и золотой монеты вас расстреляют. В августе 1930 г. Коллегией

¹ Мозохин О. ВЧК-ОГПУ-НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 гг. / О. Мозохин. М.: ТД Алгоритм, 2016. С.468–491. Книга основана на обширном объеме исследований в архивных фондах. Все факты документально подтверждены.

ОГПУ были приговорены к расстрелу: «1. Быков Ефим Евгеньевич, 68 лет, уроженец Москвы, гардеробщик Большого Театра. Обнаружено: 810 руб. серебра, большое количество дефицитных товаров и мануфактуры. 2. Леонтьев Гаврил Филиппович, 65 лет, гардеробщик Художественного Театра. Обнаружено: 865 руб. серебра. 3. Королев Николай Макарович, 1878 г., гардеробщик Малого Театра. Обнаружено: 449 руб. 50 коп. серебра» (Мозохин). И другие. Чтобы изъять серебро, произведено 485 тыс. обысков, 9,4 тыс. арестов, отобрано 2,3 млн рублей – серебряных разменных монет (на 27 сентября 1930 г. по СССР, Мозохин).

Доллары? В декабре 1931 – феврале 1932 г. «массовая операция по валюте» ОГПУ. «Были отмечены повальные обыски, которые, как правило, не давали результатов. Это объяснялось тем, что валюту, как правило, хранили в земле, в дровах, в стенах и т. д. Было отмечено, что результативность могла быть достигнута агентурной проработкой и созданием арестованного, но отнюдь не обыском» (Мозохин).

Столовое серебро? «Циркуляр № 404/ЭКУ от 20 сентября 1931 г. дал указания на места об изъятии золотых и серебряных предметов домашнего обихода. Согласно этого циркуляра органы ОГПУ стали изымать у населения все ценные вещи. В связи с тем, что это уже было большим перебором, то циркуляр № 572/ЭКУ от 19 сентября 1932 г. разъяснил, что изъятие золотых и серебряных предметов домашнего обихода должно производиться только в тех случаях, когда коли-

чество их является товарным и представляет валютную ценность или же хранение их носит явный спекулятивный характер» (Мозохин).

В 1930 г. ОГПУ изъяло семейных ценностей на 10,2 млн золотых рублей (иностранная валюта – 5,9 млн руб., золото в монетах и слитках – 3,9 млн руб., серебро (изделия, лом, слитки, монеты) – 0,4 млн руб.). На 15 млн руб. – к маю 1932 г. Документ из архивов, мнение Сталина: «надо сказать спасибо чекистам» (Мозохин).

Как источнику индустриализации, конечно.

Вы зря зарыли клад. Он – не ваш

Если вы уехали за границы России по политическим побуждениям, то ваше имущество конфискуется, если вы не вернулись к моменту конфискации. Так гласит ныне действующий Сводный Закон от 28 марта 1927 г. «О реквизиции и конфискации имущества» в статье 13.

Так что зарывать кладов бесполезно. За кладом не возвращаются. Знаменитый нарышкинский клад из двух тысяч с лишним предметов столового серебра, пяти сервизов, таился в Петербурге, на улице Чайковского, 29, среди коммунальных квартир, под полами, в замурованной комнате полтора на два метра. Сиял, не окислился, когда нашли его в мешках, пропитанных уксусом, и в газетах осени 1917 г. Дело было через 95 лет, в 2012 г. Нашлась и внучка, 84 лет, конечно, в Париже. Дело было безукоризненное – на каждом предмете нарышкинское клеймо, личная вещь. А отдать ее нельзя. И клад осел в Константиновском дворце (ныне – государственном).

Ибо, торжественно, медленно повторим, «конфискация имущества производится... в отношении лиц, бежавших за пределы Республики из политических побуждений и не возвратившихся к моменту конфискации». По статье 13 Сводного Закона от 28 марта 1927 г. «О реквизиции и конфискации имущества», постановление ВЦИК РСФСР от 28 марта

1927 г. «Об утверждении Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества». И этот закон действует!

Никто из них не вернулся в Россию к моменту конфискации. И больше никогда не вернется. Так что не делайте ям и потаенных комнат – за кладами не возвращаются и их не отдают – никому и никогда.²

² Консультант-Плюс; Голубкова М. Клад Нарышкиных оценили почти в 200 млн. руб. // «РГ», 19.12.2013; Смирнова И. Интервью с Натали Нарышкиной, 15.04.2012, <http://svpressa.ru/society/article/54498/>; Лукашов В. Тайная комната с сокровищами обнаружена в петербургском особняке, 29.03.2012, <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/405947>.

Кладоискатели

Бессмысленно закапывать клады – их не отдают. Но мы ищем клады всю жизнь. Мой знакомый был кладоискателем в кубе. В старом, большеглазом двухэтажном доме – крепости его предков – были стены из толстых почерневших бревен, были полы с ямами под паркетной доской и еще внизу был просторный, безумный, злобный темный подвал, конечно, из кирпича, цепкого, как кошачий глаз. Не банкам же там валяться, набитым паучьей пылью, а золоту быть под покровом ночи.

Вступив в этот дом в сладком десятилетнем возрасте и сжившись с двором, кошкой, комнатами с вечнозелеными обоями и солнцем, он объявил отцу, что будет искать клад. Здесь должен быть клад. Он обязан быть закопанным. Или

забитым под половицу. Или спрятанным в потемневшую масляную тряпочку, из-под которой проступают червонцы, но в шкафу с двойным дном.

– Нет, – сказал отец, – друг мой, ты ничего в нашем доме не найдешь.

– Ну, папочка, – занял мой знакомый, конечно, в образе десятилетнего оборвыша. – Пусти меня в подвал, там – тайны, там могут быть даже призраки, которых нужно умолить уйти, пока не поздно!

– Однажды, – сказал ему отец, – поздним летним вечером, далеко до войны, к твоим бабушке и дедушке постучались два странника, он и она. Дело было в 1932 году, для тебя таком же далеком, как и годы пиратских наслаждений.

– Можно ли пройти на кухню, – спросила женщина твою бабушку, Полину Сергеевну, – и поговорить?

Никто ведь не помнит, как они выглядели. Темно-синее, морщины, платок, выдававший его хорошее происхождение, может быть, седины вперемишку с выцветшими глазами, что очевидно даже под хмуровой лампой. Или так все было устроено, что они растворились в вечернем воздухе, как будто их и не было, оставив только след, что были.

– Простите, – спросил странник, высокий, сухопарый. – Как Вас величать?

– Федор Иванович, – ответил твой дедушка.

– Поговорите с нами? – спросил он. – Стакан чая, может быть?

Чай, чай, чай. Над ним можно толковать, над кофейником, пожалуй, нет – терпкое разъединяет души. Но чай – да, конечно, и именно за чаем они признались – здесь не нужно имен, – что это их дом, когда-то был – до реквизиций, до простраций, до выселений и просто бегств, но дом, старинный, плотный, был, несомненно, их. И можно без имен – хотя для взыскующего вынуть из бумаг их имена заняло бы полчаса.

За пять минут можно отторгнуть человека. А здесь прошли по комнатам, и женщина застыла у печи, у изразцов, хотя и сторбленных, но еще цветущих. «Я брала их у Кузнецова, – вдруг сказала она. – И у нас есть к вам нижайшая просьба».

Переночевать? Скрываться? Тайно подглядывать из окна? Не доносить властям?

– Видите ли, – и они переглянулись между собой, – мы надеялись вернуться и, когда спешно уходили из города, закрыли в подвале жестянку с червонцами.

– Золотыми, – добавила она, хотя и так было понятно, что не бумажки, не керенки, не гербы пустоглавые, а только николаевское золото могло быть закрыто, пусть и в жестянке или в промасленном кошельке, но только золото великое, самоцветное, пестро сияющее, могло скрываться под земными глубинами.

– Клад, – добавил он и засмеялся. – Золотой клад, господи, как в детской книжке!

И попросил его отдать – для жизни советской, хотя, как зовут, где бытуют и потихоньку скрипят, конечно, не рассказал. Прилетели, сели, клюнули, выпили чайку, того, что липового, – и скрылись во тьме, которой у нас много в душе.

В подвал вели литые, в узорах ступеньки. В руках была керосиновая лампа, а гостям, или птицам – как их называть? – вручили лопату, не серп и не молот. Первый удар лопатой был глух, второй – беспочвенен, от третьего и мышь бы не зашевелилась, а вот на четвертом, нежном, почти скребке, был услышан не стон, а скрежет.

И был розовый восход. Из праха, из горечи пустынной появилась, с двуглавым жестяным орлом на крышке, большая, грешная цилиндрическая коробка «Товарищества Эйнемъ», набитая червонцами, как медно-тусклыми леденцами.

Бабушка ойкнула. Дед, наверное, закрипел зубами. А затем двинулись вон, как пробитые пулей голуби. Не наше. Гости, между тем, набивали золотом малые емкости, но ежились, не запрут ли их сейчас в подвале, как бывает с кладоискателями и еще – правдолюбцами. Им было страшно. Наверху были люди и власти.

Наконец, дверь сказала: «Заржавела, скриплю!» – и они появились из подвала на свет. Женщина держала в руке тряпицу с золотом – мерси за сохранение, за то, что сами клад не нашли, и за то, что не закрыли в подвале, ибо мало благоволения в наших проклятых лесах.

– Нет! – сказала бабушка Полина Сергеевна.

– Нет, нет! – сказал дедушка Федор Иванович.

Или они ничего не сказали – история об этом умалчивает – а просто руку, к ним протянутую с тряпицей, полной золота, отодвинули и пошли дальше, в год 1933-й, а потом в жестокий 1934-й, и не менее проклятый 1935 год – дальше в войну.

Поэтому никто никогда не узнает их полных имен – благотворение должно быть слепым, глухим и немым.

– Но хотя бы в каком городе это случилось? – спросил я своего знакомого, так и не разрывшего подвал, как крот.

– В старинном купеческом городе Шадринске, – был ответ. – На реке Исети.

Бессмысленно закапывать клады в Москве. Никогда не вернутся они в Петербурге. Но если в Москве встать лицом на восток и отсчитать ровно две тысячи километров, не больше и не меньше, то там в городе Шадринске, на реке Исети, есть дом – куда ему деться, – где в подвале нет ни сундука, ни жестяной коробки, зарытой на полметра, ни даже царского пятака, вынырнувшего неизвестно откуда.

Этот дом стар, когда-нибудь совсем развалится, но он совершенно чист.

Любовь к денежным реформам

Каждое поколение россиян в прошлом веке теряло свои активы, а следующее начинало почти с нуля. Войны, революции, коллективизации, денежные реформы, инфляции, да и просто отъемы даже в мирное время. У российского народа никогда не было своей собственности. За 50 с лишним лет (1861–1917) он просто не успел ее создать. Поэтому в комиссионных магазинах так пусто.

У государства всегда была любовь к конфискационным реформам. Главная идея 1991 года – убрать «денежный навес» (слишком много денег у населения и мало товаров). Но были еще и экзотические идеи – якобы начался контрабандный завоз фальшивой наличности из-за рубежа, и диверсией этой занимаются западные банки.

Реформа была жестка, как жестяная банка. Объявлена «по телевизору» в 9 часов вечера 22 января. Меняли не больше 1000 рублей на человека. Если больше, то спецкомиссии должны были это разрешить. Сразу же заморозили вклады в Сбербанке (на руки не более 500 руб. в месяц). Те, кто копил на старость, могли лишь бессильно смотреть, как тают под ростом цен их сбережения. С апреля началась еще одна «конфискация» – повышение указами государственных розничных цен. Мясо стоило 2 рубля, стало 7 рублей. Сахар был 85 копеек, стал 2 рубля. Колбаса прошагала от 2 рублей к 10

рублям.

На нас были сброшены все неудачи государства. А какие? Что не удалось сделать? Сбалансировать военный и гражданский секторы. При падении мировых цен на нефть дать все стимулы росту. Обеспечить осторожный, двухсекторный переход к рынку, не уронить экономику. Накормить население, как лозунг, которому подчинено все на свете.

Денежная реформа 1991 года – точка отсчета кризиса 1990-х, скачка инфляции. Бегства капитала из России. Кто будет вкладывать деньги там, где их отнимают?

Тем более что вскоре грянула новая денежная реформа.

Летом 1993 года – обмен советских купюр на российские. Но обязательно с убытком для населения. Был установлен лимит на обмен – 35 тыс. руб. (примерно 35 долл.). Затем увеличили до 100 тыс. (примерно 100 долл.). На все это счастье давались две недели.

Что в результате? Были съедены все сбережения тех, кто старше. В рынок вошли без главного инвестора – населения. Лучшего урока для тех, кто боится вкладывать в Россию, просто нельзя было придумать. На 30 лет вперед основными инвестициями в Россию стали спекулятивные, а главным риском – отъем собственности.

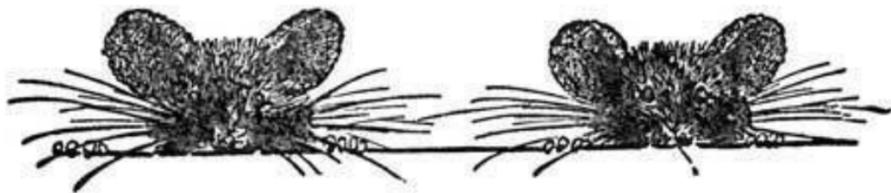
В 1991 г. нам освежили историческую память, ибо реформа декабря 1947 г. и даже деноминация 1961 г. тоже были конфискационными. В 1947 г. вклады в сберегательных кассах до 3 тыс. руб. обменивались на новые деньги один к од-

ному, от 3 до 10 тыс. руб. – меньше на одну треть, свыше 10 тыс. – минус две трети суммы вклада.

А нелюбимые властью наличные – только в пропорции 10 старых рублей на один новый. Как и в 1991 г., шла речь о фальшивых рублях, которые нужно уничтожить. И как в 1991 г. был дан жесточайший срок обмена – одна-две недели. А потом всё.

Это воспоминание о будущем? Нам много лет твердят о непопулярных реформах. О том, что реформы болезненны. Эти речи значат только одно – сбросить свои ошибки и потери на нас. Как всегда. Жгучее желание. На нас. Нужно готовиться.

Секретная инструкция. Война с мельницами

У вас деревенские корни? Тогда ваша семья – кулацкая, если у нее есть мельница, маслобойня или крупорушка (ЦИК СССР, СНК СССР, Постановление от 23 февраля 1930 г.). Или просорушка, волночесалка, шерстобитка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушилка (тот же самый ЦИК).

Все это конфискуется. А также дом, любые постройки, инвентарь, запасы, сберкнижки, облигации и деньги. Все-все, кроме 500 рублей (Президиум ЦИК СССР, Секретная инструкция от 4 февраля 1930 г.). Дано задание: 60 тыс. кулаков – в лагеря, 150 тыс. – на поселение в Сибирь, Урал и т. п. (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г.).

Имущество прочих? Сдать в колхоз всё – землю в пользо-

вании, лошадей, инвентарь и скот (ВЦИК, СНК СССР, постановление от 16 января 1930 г.). Оставить дом, участок при нем и корову – и обложить их налогами. А церкви закрыть (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г.). «Покончить с противогосударственной и противоколхозной практикой попустительства в отношении единоличника» (СНК СССР, ЦК ВКП(б), постановление от 19 апреля 1938 г.). А его имущество загнать в колхоз.

Кстати, а колхозное – чье это? «Приравнять по своему значению имущество колхозов... к имуществу государственному... Применять... за хищение (воровство) колхозного... имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества» (ЦИК СССР, СНК СССР, постановление от 7 августа 1932 г.).

Что имеем? Конфискованная деревня. Временки, люди без имущества. Что еще? Наемные рабы («палочки»), без паспортов, то, что производят для себя, на участке, еще и обложено налогом. Любым способом – в город, человеческое опустынивание.

Нам же остается приезжать в пустынные места, в пустынные дома – или следы домов – и проклинать все то, что оставило большинство без наследства. И погубило сотни тысяч семей.

Это не мы. Не мы это делали. Рабы – не мы. Но можем –

это носится в воздухе – стать рабами.

Или становимся – кто радостно, кто тягуче, кто, проклиная всё, – но ими.

Или все же нет? Не становимся?

Здесь нужно поставить знак вопроса, оставляя будущую историю тому чувству меры и предосторожности, которое должно было возникнуть у нас из прошлого.

Или просто сказать: «Увидим!»

Узнаем. Сами, на своей шкуре.

Госдолг. Как не вернуть вам деньги

У российского государства – кредитная история не очень. Последний дефолт – в 1998 г. Финансовая пирамида ГКО – ОФЗ, кризис 1998 г., крушения рубля, банков, инвестиционных фондов, вспышки инфляции – массовые потери для всех нас.³ И, конечно, вечно находящиеся под ударом пенсии.

Это все новенькое? Или продолжение длинной истории?

Началось все просто: в 1917–1918 гг. все облигационные займы были аннулированы.

Дефолт. Ну и ладно.

В 1922–1957 гг. в СССР (Россия – правопреемник) выпущены около 60 облигационных займов, в 1957–1990-х – 5.

Каких только не было займов! В 1920-х – натуральные (хлебный на 30 млн пудов хлеба, сахарный на 1 млн пудов сахара). Их погашение делалось натурой или деньгами по рыночной цене хлеба, сахара. Займы на военные расходы (1937 – начало 1940-х), на расходы в сельском хозяйстве (1925, 1927 гг.), на восстановление народного хозяйства (5 займов в 1946–1950-х), на индустриализацию (3 займа в 1927–1929 гг.), на развитие народного хозяйства (11 займов пятилеток в 1930-х, 7 займов развития в 1950-х).

³ Подробно: Миркин Я. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. М.: Кнорус, Geleos, 2011. С.88–90.

В 1920–1930-е гг. с высокой частотой, а начиная с 1940-х – через 10–15 лет выпускались государственные процентные выигрышные займы (9 %-ный заем 1930 г., 3 %-ные займы 1938, 1947, 1966, 1982 гг., 15 %-ный российский заем 1992 г.). В 1920-е – начале 1930-х выпущены около 30 отраслевых займов («автомобильные обязательства», «велосипедные обязательства» и т. п.), гарантированных государством. А Минфин как-то дал жизнь беспроцентным краткосрочным платежным обязательствам, с мелким номиналом (1927 г.). Это, по сути, деньги, они могли быть средством платежа.

Принудительные займы. В 1923 г. – первый государственный 6 %-ный выигрышный заем. Реализован среди имущих слоев (подрядчиков, комиссионеров, поставщиков, лиц, имеющих высокие доходы) в принудительном порядке, т. к. «участие их в подписке на заем не соответствует тем средствам, которые сосредоточены у них на руках» (Декрет СНК СССР от 4 сентября 1923 г.).

Фактически принудительными были займы 1940–1950-х, распространяемые среди населения по подписке. «Дружной подпиской на государственные займы трудящиеся СССР демонстрировали свое морально-политическое единство, сплоченность вокруг Коммунистической партии и готовность активно участвовать своими средствами в строительстве коммунизма».⁴ В 1957 г. выпуск таких облигаций был прекращен.

⁴ Финансово-кредитный словарь, Т. 1. М.: Госфиниздат, 1961. С. 299.

Дефолты? Конечно, были. Почти все займы 1927–1945 гг. были обменены на облигации с более длительным сроком погашения и меньшим процентом (например, вместо 10 на 20 лет, вместо 6 % на 3 % и т. д.).

Еще дефолты. Подавляющее большинство займов, выпущенных в 1947–1957 гг., были в 1957 г. продлены на 20 лет, а фактически на больший срок, т. к. погашение по ним должно было идти тиражами выигрышей еще 20 лет (гаситься начали в 1974 г.).

Эти облигации были в каждой семье. Просто валялись.

Постоянно ухудшались условия облигаций. В 1920-х преобладали займы на короткие и средние сроки (до 1 года, до 5–6 лет). С конца 1920-х и до середины 1930-х наиболее распространенным сроком займа стали 10 лет. С июля 1936 г. и до конца 1980-х облигации выпускались, за единственным исключением в 1957 г., на срок 20 лет. Ставка по облигациям понизилась от 8–12 % в 1920-х – начале 1930-х до 3–4 % в середине 1930-х – начале 1950-х и до 2–3 % до конца 1980-х.

Что впереди? Верьте только себе.

Как не дать вам построить дом

Мы родом из рабства, ничего не поделаешь. И от рабства недалеко ушли. Языком документов – о нашем жилье. О нашем рабском жилье.

Запрет дома больше 60 метров. Запрет владения двумя домами.

«В личной собственности гражданина может находить-

ся один жилой дом (или часть одного дома). Размеры жилого дома юридически нормированы... Предельный размер жилой площади для индивидуального строения установлен в 60 кв. м.» (ГК РСФСР; Астанковский г. и др. Комментарии к ГК РСФСР, «Юридическая литература», 1982).

Запрет дач.

«1. Запретить повсеместно отвод гражданам земельных участков под индивидуальное дачное строительство. 2. Признать необходимым прекратить продажу гражданам дачных строений» (Постановление Совмина СССР от 30 декабря 1960 г. № 1346).

Запрет личной продажи автомобилей.

«1. Установить, что продажа легковых автомобилей, принадлежащих индивидуальным владельцам, может производиться только на комиссионных началах через магазины государственной торговли. 2. Поручить Советам Министров союзных республик: ...б) запретить регистрацию в органах Госавтоинспекции легковых автомобилей, купленных гражданами у индивидуальных владельцев автомобилей помимо магазинов государственной торговли или собранных ими из отдельных агрегатов и запасных частей» (Постановление Совмина СССР от 23 марта 1961 г. № 277 «О дополнительных мерах борьбы со спекуляцией легковыми автомобилями»).

Летние садовые домики и моральные извращения, с ними связанные. Не больше чем от 4 до 6 соток. Запреты на второй этаж, на подвалы, на отопление, на проживание. Обязанность выращивать.

«Извращение сущности коллективного садоводства».

«В некоторых районах страны под видом летних садовых домиков ведется строительство особняков дачного типа с гаражами и банями. Все это не только наносит экономический ущерб народному хозяйству, но и ведет к серьезным отступлениям от моральных и нравственных норм советского образа жизни, извращению сущности коллективного садоводства и огородничества...»

...Установить, что в коллективных садах членам садоводческих товариществ земельные участки выделяются в размере от 400 кв. метров до 600 кв. метров... Летние садовые домики не предназначаются для постоянного проживания и не включаются в жилищный фонд...

...Члены садоводческих товариществ и коллективов огородников обязаны рационально и высокоэффективно использовать выделенные им земельные участки для производства... фруктов, ягод, овощей...» (Постановление Совмина СССР от 29 декабря 1984 г. № 1286 «Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества»).

Все это еще недалеко от нас и снова обязательно придет, если только мы не остановимся хотя бы в шаге от очередного приступа всеобщей мобилизации.

Рабство или свобода, дома и имущество у семей – или запреты на них, собственность или отчаянная любовь к государству и кормление у него – в этих развилках мы по-прежнему живем.

Реквизиция со вкусом. Зинаида Морозова

Она была староверкой, но сходилa замуж три раза. Вторым браком – за Саввой Морозовым, третьим – за московским градоначальником. Спасла его от тюрьмы. Отстроила в Москве пышнейшие особняки, вложилаcь во МХАТ, родила четверых детей, ее салон расцветал первейшими именами, и, наконец, исполнилаcь ее мечта – она была торжественно записана дворянкой Резвой. После чего еще раз развелась.

Как пышно она цвела! Устроила усадьбу, почти Афины,

с колоннами и портиками, центральным отоплением, ваннами и телефоном, знатными коровами и бесконечными пространствами. Пятьсот яблонь, триста вишен и множество парников.

Ее загородный телефон был первым в Москве. Этот-то телефон и погубил ее. В усадьбу ее «Горки», нынче Ленинские, въехал новый большой начальник, во флигеля – охрана, ибо ни у кого больше в окрестностях Москвы не было телефона и прямой связи с Кремлем.

А что же Зинаида Григорьевна? Лисица была выгнана, хотя еще весной 1918 г. вроде бы все утрясла, получив охранное свидетельство от Республики на принадлежащий ей «дом с художественно-исторической обстановкой». Но дом понадобился властям.

А дальше была жизнь в коммунальных внутренностях Москвы. Еще тридцать лет. До 1947 г. Десять лет жила продажей вещей. Наконец, мелкая пенсия от МХАТ. И четыре фамилии, притороченные к ней, как крылья: Зимина, Морозова, Рейнбот и, конечно, Резвая.

Способность обуздывать и усмирять никак не заснет в российской истории. И она же корчит странные гримасы. Дом был огромен, но Ленин умер в ничтожно малом будуаре Зинаиды Морозовой, у ее роскошного туалетного столика, у золоченого зеркала, идущего к самому потолку.

Она два года не дожила до того, как «Горки» открыли для всех.

Наши вещи Щукина и Морозова

Неловко идти мимо чужих вещей. Что в Пушкинском, что в Эрмитаже. Очи импрессионистов. Сотни. Хотя бы маркированы (в Эрмитаже) – вот это забрано у Сергея Щукина, а это – у Ивана Морозова. Руки до них дошли в ноябре – декабре 1918 г.

«Принимая во внимание, что Художественная Галерея Щукина представляет собой исключительное собрание великих европейских мастеров, по преимуществу французских конца XIX и начала XX века, и по своей высокой художественной ценности имеет общегосударственное значение в деле народного просвещения, Совет Народных Комиссаров постановил: 1) Художественную Галерею Сергея Ивановича Щукина объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики...» (Декрет СНК от 5 ноября 1918 г.).

Дальше уже без всякого обоснования «общегосударственным значением». «Совет Народных Комиссаров постановил: Художественные собрания А. И. Морозова, И. С. Остроухова и В. А. Морозова объявить государственною собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (Декрет от 19 декабря 1918 г.).

Может быть, все дело в том, что мы живем среди чужих, навеки отнятых вещей, за которые никто не попросил про-

щения и не покался.

Как от вас избавиться. Коншины

В граде Серпухове, в ста километрах от Москвы – рай для монастырей. Через реку, почти друг против друга, стоят женский и мужской монастыри, почти семья, обмениваясь опытом и дарами природы. На бугре, где был старый град, бродят свадьбы. Невесты не хуже московских.

Там ежатся купеческие дома и обломки церквей. Там приколот к ним узкий темноглазый Ленин и ампир 1950-х. Стынет желтейшая на свете, когда-то свирепая гауптвахта. Мокнут улицы, мокнут кубы из силикатного кирпича, забитые зеленью. Мокнут перьями старушечьи дома в сонном, сосновом своем существовании. Они везде, как голуби.

Там поверх Нары, узкой, как прищур, поверх ее вод, поверх холмов, пустынных ив и птичьих перелесков стоят пустые, из красного кирпича, старинные заводские корпуса. Звались они когда-то «Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове», и там работали одиннадцать тысяч человек. Пряли, ткали, набивали ситец, красили. С XVIII века. Парижская всемирная выставка. Совладельцы, два знаменитых Николая – Второв и Коншин – среди богатейших семей России в начале XX века (1-е и 11-е места). И оба не уехали, просто растаяли в 1918 г. В 1930-е сыновья Коншина были арестованы. Один из них, Сергей, дожил до 1964 г. Взят в 1932-м после встречи с англичанином – бывшим управляю-

щим, приехавшим в Москву в посольстве. Почти 20 лет лагерей. После лагерей работал хормейстером. И оставил прямых наследников.

Неуемный Николай Коншин, растаявший в 1918-м. Именно он стал сеять хлопок в Туркестане. Выстроил электростанцию в Серпухове. Генконсул королевства Сербии и княжества Болгарии. Создал сбыт по всему миру. Местная больница, кирпичные дома и казармы для рабочих (там до сих пор живут). Чайные для рабочих. Три храма. И, наконец – собственная усыпальница в Высоцком монастыре в Серпухове, на высоком берегу Нары, знаменитого архитектора Романа Клейна. Была разрушена, ныне восстановлена ради красоты своей.

Заводы – дело рук человеческих. Они появляются в муках на свет, по образу отцов-основателей. Чудесные фабрики Коншина, из красного непревзойденного кирпича, под гордыми кличками «Красный текстильщик» и «Серпуховский текстиль», прожили после него еще 90 лет. И, наконец, погибли в 2000-х.

Какой урок в том, что строитель, фабрикант, создатель, с любовью строивший собственную усыпальницу, для всей семьи, на святой монастырской земле, – сгинул бесследно в 1918 году? Какой смысл в том, что большой род, с десятками детей и внуков, двести лет строивший собственную фабричную и торговую империю, растворился в небытии? Как случилось, что монастыри отстроились, а родовые фабрики

уничтожены?

Улицы Серпухова – Ворошилова, Ленина, Пролетарская, Ленинского комсомола, Луначарского, Революции, Свердлова, Карла Маркса, Советская, Джона Рида. Толпа мастерских по производству памятников. Бывшие заводы, заполненные мелкими ремесленниками. Уникальные образцы тканей XIX века – как их сохранить?

Этот вид раскрытого, как раковина, кирпичного тела крупнейших, столетних фабрик, вот это закончившееся умение прясть, ткать, разрушенный индустриальный дом, который строила из поколения в поколение большая семья, – все это создает для заезжего человека мучительное воспоминание о городе, в котором смешаны – в летней зелени – блистающие, пахнущие свежей краской, сияющие белизной монастыри, буденовки и почти черные тела умерших фабрик.

Что ждешь от государства

Недоверие к государству, предвкушение отбора, отъема, изменения правил игры к худшему – риск, который с 1990-х заставлял российские капиталы уходить на Запад. Этот риск + налоги.

Мы двойственны. Мы сызмальства привыкли полагаться на государство. Но где-то там внутри, у сердцевины, всегда был червячок сомнения в том, что государство играет за тебя.

«Все равно обманут» – вот наше уличное присловье. Или «все равно отнимут». Кто-то. «Они», имея в виду государство, властные структуры. Поэтому мы все время строим временки. Живем – в нашем имуществе – вкороткую.

Самые пронзительные «имущественные» истории советского времени – тяжелейшие денежные реформы, с отбором «спекулятивных» денежных излишков; принудительные облигационные займы, по которым год за годом ухудшались условия и откладывались погашения, до полного умаления сумм и людей, когда-то занимавших. «Обнуление» сбережений на рубеже 1990-х.

Все это продолжается.

Пирамида ГКО. Дефолт по госдолгу в национальной валюте, в государстве – эмиссионном центре, в условиях, когда 60 % госдолга держало само государство (ЦБ и Сбербанк) –

почти неслыханное дело.

Пенсионная реформа, с ее длинными деньгами, которые немедленно стали короткими. Выдержала только чуть больше 10 лет. Несколько пересмотров – к худшему. Замораживание пенсионных накоплений в 2010-х – 2020-х.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.